

*«Литературные кубики»:
художественно-публицистический альманах
Выпуск третий, СПб, 2007
Татьяна Черниговская*

Маленький мальчик нашёл "Першинг-2"...

*И спросит Бог: Никем не ставший,
зачем ты жил? Что смех твой значит?
— Я утешал рабов уставших, -
отвечу я. И Бог заплачет.*

И. Губерман

В Калифорнии есть храм — огромный, стеклянный, с гигантскими экранами, микрофонами, жуткий, одним словом — последнее место, куда пришло бы в голову, не говоря о сердце, направиться со своими бедами или радостями, всё равно, что в супермаркет со словами «Спасибо, Перекрёсток!»... Так вот, перед ним — скульптура бронзовая в том же духе: в человеческий, не боюсь этого слова, рост — Иисус с голливудской улыбкой, так и ждёшь, что скажет “Hi!”.... Холодеет всё при мысли.... Бери от жизни всё, как говорится от имени то ли шампуня, то ли зубной пасты.... Вопрос о том, улыбался ли Христос — обсуждается веками, но мала вероятность, что автор скульптуры об этом знает и реагировал на споры, почерпнутые, скажем, у Умберто Эко: скорее, в бронзе отлита доведённая до абсолюта архетипическая для американской культуры демонстрация тотального оптимизма.

Меж тем, мы не так уж много знаем о связанной с юмором стороне жизни в разные периоды истории. Как пишет Я.Н. Любарский в исследовании иронии у византийцев, «представление о непременно серьёзной и торжественной Византии стало меняться только недавно. За два последних десятилетия учёные успели заметить, что мимы и “шуты” пользовались не только народной любовью, но и расположением знати и даже императорского двора и что некоторые учёные и вполне респектабельные византийцы — в том числе и священнослужители — были явно равнодушны к смешному и шутке». Есть указания на то, что элементы юмора (возможно непроизвольного) можно найти даже в житиях

святых¹. «Может быть, Иисус Христос действительно никогда не улыбался, но сами византийцы надрывали животы от хохота»².

Начиная с Аристотеля ясно, что речь идёт о континууме³ — от низового юмора, идущего от традиционного, архаического и даже возможно доисторического, т.е. биологического пласта, до изысканных интеллектуальных упражнений, понятных только объединённым общей конвенцией⁴ эстетам. Столетиями осмысляется это сложнейшее пространство — одновременно биологическое и социальное. Достаточно назвать помимо Аристотеля, противопоставившего *eigoneia* (понятие, близкое к современному представлению об иронии) и *alazoneia* (хвастовство, даже наглость) таких разных мыслителей как Платон, Сократ, Цицерон, Августин Блаженный, Декарт, Кант, Шопенгауэр, Дарвин, Фрейд, Пропп, Кьеркегор, Бергсон, Бахтин, Эйзенштейн, Фромм, Франкл, Лихачёв, Лотман, Успенский, Аверинцев, Панченко.....).

Очень интересно имеющее глубокие, в том числе и карнавальные, корни понимание смеха как перерыва, передышки, отказа — на время! — от привычных поведенческих и, даже глубже, моральных и нравственных норм, показывающее, что соблюдение принятых цивилизацией конвенций — трудно, а запретное — легко и притягательно, и в него время от времени можно «нырять». «Юмор есть игра в нарушение интериоризованных⁵ норм. Атрибут такой игры — смех», пишет А.Г. Козинцев, рассуждая далее о юморе как *щекотке сердца*, когда можно сбросить на время страх и совесть, и *щекотке ума*, когда можно нарушить законы разума, здравого смысла и этикета⁶. Это — как свойственное всем типам культур стремление к выходу в виртуальные миры, будь то игра, театр, кино, литература, а теперь и компьютерные имитации жизни, или изменённые состояния сознания, вызываемые психологическими или химическими способами. Такое стремление

¹ (Я.Н.Любарский. *Ирония у византийцев: пример Михаила Пселла*. В кн. В: *Теоретические проблемы языкознания. К 140-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб. СПбГУ. 556-557. 2004)

² (А.П.Каждан. *Смеялись ли византийцы? (Ното Byzantinus ludens)* В кн. *Другие средние века: к 75-летию А.Я.Гуревича М.*; СПб: Университетская книга, 2000, 185-197).

³ **Континуум** — последовательность, ряд похожих элементов (вещей), в котором каждый последующий элемент чрезвычайно похож на предыдущий, в то время как первый радикально отличается от последнего.

⁴ **Конвенция** — договор о чем-либо, условие, соглашение, уговор.

⁵ **Интериоризация** — процесс преобразования внешних действий и операций во внутренние умственные действия и операции.

⁶ (А.Г. Козинцев. *Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щекотке)*. В кн. *Смех: истоки и функции*, СПб, Наука, 2002)

вырываться время от времени за пределы своего мира, в «иные пространства», само по себе требует философского осмысления: ведь фактически нет цивилизаций, которые бы удовлетворились «реализмом», без дублирования его в одноимённом искусстве или искажения в сюрреалистических зеркалах.

Проиграли?

Может ли компьютер моделировать юмор? Все, что он сочиняет, требует алгоритма, или сценария, или перестановок. Можно ли таким способом породить смешное, т.е. неожиданное? Скорее нет, чем да, но если и да, то что-то простое и потому не очень смешное или — перебором маловероятных вариантов — не декодируемое. Ведь всё дело в дозе и в контексте. Законы смешного те же, что и законы поэзии — неожиданный ракурс, аналогия, необычная точка отсчёта.

Да, *Deep Blue* обыграл Каспарова в шахматы, и человечество испытало шок: мол, всё — крышка, не кран подъёмный, который своей ручищей восемьсот тонн туда-сюда таскает (а мы нет), сильнее наших мышц, а МОЗГ наш переиграли... Вскоре, к счастью, очнулись: не более, чем в игру, основанную на переборе вариантов (а это ещё не весь интеллект, слава Создателю), да и ещё с несопоставимыми объемами памяти у противников (что вообще некорректно), да ещё с *натасканностью* «глубокоголубого» на конкретного игрока... Специалисты говорят, что написать программу высокого уровня для игры в нарды, к примеру, — несопоставимо сложнее: кости, господа, кости... Случай то есть. Да и сам чемпион кабы сделал нетривиальный, т.е. глуповатый для его ранга, ход — имел все шансы увидеть перегретого, а потому сменившего цвет противника. Однако, нынешний чемпион мира по шахматам — Крамник — про это говорит, что шахматы слишком сложны для компьютера, т.к. количество возможных комбинаций представляет собой число с 28 нулями; поскольку алгоритм человеческого мышления таков, что мы можем выбрать направление расчётов, а не перебирать все комбинации, то у нас есть шанс его переиграть. Что утешает.

Состязаться с японцами на их суперкомпьютерном поле, мощь и скорость которого удваивается чуть не раз в полгода — дело безнадёжное, а главное абсолютно ненужное. Гонку на быстроту вычислений мы проиграли давно — да и сама скорость нервных процессов несопоставимо медленнее таковой даже у самых средних компьютеров. И что? — а ничего. Пока не видно ни Паскалей, ни

Леонардо, ни Шопенгауэров. И не будет видно никогда в этих нулях с единицами, потому никто ещё не сделал никакого прорыва в науке и философии, не говоря об искусстве, с помощью особо хорошо смазанного арифмометра «Феликс» (с инкрустациями и ручкой, как у того же времени кассы).

Модельеры интеллектуальных процессов давно осознали, что для создания хоть какого-то подобия человеческого интеллекта нужно «повторить» не только «левополушарного Феликса», но и «правополушарного» Анри Бергсона или троечника А.С. Пушкина. А это — нет, никогда, оборони Создатель. То, что делает нас людьми — никакие абиссинцы с шумерами на своих счётах не отложат.... И, я думаю, юмор, ирония, сарказм в списке свойств, присущих *Homo Loquens Legens Scribensque*, занимают не последнее место.

Смешно — кому?

Есть ли юмор у других существ, живущих с нами на этой планете? Полагается отвечать, что нет. И вопрос плохой, и ответ. Что считать юмором? О чём вообще речь идёт — о способности ИХ понимать НАШ юмор? Делать что-то, что МЫ бы поняли как смешное? А что, разве среди собратьев по разуму все всех понимают?! Одинаковый юмор?! Я полагаю, каждый сталкивался с отсутствием реакции на уморительный для своей компании анекдот, рассказанный «чужому»... Объяснять нельзя и начинать — по безнадёжности. То есть в некотором смысле общее понимание юмора, и тем более иронии и сарказма — маркер «стаи», т.к. показывает общность образования, взгляда на жизнь, основных установок. Общеизвестно, что именно эти когнитивные сферы⁷ наиболее трудны для перевода с языка на язык, с культуры на культуру. Даже карикатуры из иных географических пространств бывают недешёфруемы или уж во всяком случае — не смешны. Да и что удивляться? Ведь это особый код, и собеседники должны им владеть в равной мере. И ещё они должны знать контексты — и ближние, и дальние, и узкие, и широкие. А теперь ответьте, какие такие контексты вы разделяете с курицей (кроме гриля...)? Да, конечно, речь идёт о высших животных; тогда так и говорите: обезьяны, которых люди учат говорить на человеческом

⁷ **Когнитивизм** — это методологический принцип, согласно которому сознание (дух, психика) в целом и во всех своих проявлениях может быть сведено к знанию и познанию, когнитивная наука занимается изучением познавательных способностей человека и высших животных — мышления, коммуникации и т.д.

жестовом языке, поселив у себя в доме вместе с собственными детьми и очень высокооплачиваемыми психологами и лингвистами; кошки, собаки и лошади, которые живут с нами не одну тысячу лет, а оттого заимствовали и ряд милых черт (истерические ложные беременности, неврозы, депрессии). Да, все они время от времени демонстрируют некую «интеллектуальную» игру, розыгрыш, нарочитый обман, понимаемые нами как юмор. Например, известно, как одна из «учёных обезьян» обозвала своего папашу на фотографии «грязной тварью»... Шутила ли она, вот в чём вопрос?... Другая намеренно использовала зубную щётку как щётку для волос, третья — «назвала» кошелёк башмаком и надела его на ногу, четвёртая предлагала людям камни, «называя» их едой, «называла» птицу цветком и т.д. — все эти шутки были построены по правилам, т.е. путали имена, действия и роли...

Поиск истоков смеха в биологической эволюции в связи с происхождением человеческого языка — тема очень интригующая, начатая ещё Дарвиным, а сейчас блестяще развиваемая, в частности Р. Провайном и А. Козинцевым⁸, анализирующим эту сферу в эволюционном контексте с поиском биологических корней смеха и юмора и доказательствами их врождённости и бессознательности; когда меня познакомили с Провайном, то первое что я услышала, войдя в его лабораторию — «Смейтесь!». Это было так нелепо, что я действительно засмеялась, к удовлетворению профессора, который тут же воскликнул: «Ну вот, я же говорю, нельзя смеяться *ah-ah-ah* как делают приматы (потому у них и речи нет), а можно только *ha-ha-ha*». Это — на тему разницы в способах звукопроизводства: на вдохе — у приматов, и на выдохе — у людей, что имеет отношение к истокам человеческого языка, поскольку не последнюю роль в этом играет контроль дыхания.

Из скорлупы в кокон

Замечательный тартуский психолог Пеэтер Тульвисте как-то вспоминал, что его друзья и соседи так описывали сложный внутренний мир своей собаки, что получался просто классический роман XIX века. Так чей это был внутренний мир всё же? Окажись псина в деревне на цепи в будке, была бы у неё такая же бурная

⁸ *Provine R.R. Laughter. A Scientific Investigation, Penguin books, 2000* и *А.Г.Козинцев, М.Л. Бутовская. О происхождении юмора. // Этнографическое обозрение, 1996, вып. 1;*

внутренняя жизнь= была бы она кем-то так понята=описана? Разве что если бы будка соседствовала с садом камней.... Не стоит забывать, что мы вчитываем (вписываем?) в нашего собеседника определённые мысли и ощущения, почему-то считая, что *прочли* это, а не сами сконструировали. И в этом смысле собеседники своего и иного биологического вида почти ничем не отличаются.

Две тысячи лет назад Аристотель писал, что мы — единственный вид, умеющий смеяться. Однако, исследования поведения шимпанзе в естественных условиях свидетельствуют, что смех и связанная с ним игра наблюдаются постоянно в паре мать-детёныш, и это — школа социального поведения (равно как и у людей, всё же — почти 99% общих генов....), которая обеспечивается диалогом лиц, жестов и вокализаций, примериванием и определением пределов допустимости действий. Ведь и у нас смех имеет ряд социальных функций — установление контакта, обеспечение расположения собеседника, сокращение социальной дистанции, сброс напряжения и выход из ситуативно трудной позиции, прощупывание для идентификации «свой-чужой» и т.д.

Это связано и со способностью формирования внутренней модели «другого», «собеседника», постулируемой как свойство именно человеческого сознания — т.н. *Theory of Mind* — термин, предложенный для описания возможностей шимпанзе, и ставший в последние годы чрезвычайно широко применяемым для исследования этой способности у высших приматов, маленьких детей и психически больных. Полагают, что способность «читать» намерения и прогнозировать реакции «другого» отсутствует у детей до 3–4 лет, не говоря о животных (с чем вряд ли можно согласиться). Но зато эта способность бесспорно отсутствует у детей с аутизмом и больных шизофренией, что приводит к нарушению адекватного социального поведения, и является одним из диагностических признаков.

Но разве только у них? Не видим ли мы ежедневно полное отсутствие таких возможностей у большого количества людей разного социального статуса и образования? Так же, как рефлексия (способность осознавать собственные поступки) отнюдь — вопреки учебнику — не является характеристикой всех взрослых людей. *Theory of Mind* вовсе не возникает автоматически «у подростков

вместе с гармональным взрывом», т.е. по мере взросления⁹. Интеллектуальная и духовная работа — вот что приводит и к развитию рефлексии, и к способности «читать» сознание других людей. Возвращаясь к теме юмора, заметим, что именно отсутствие таких умений не останавливает рассказ нетривиального анекдота «другому». Кстати, наряду с утратой такой способности, больные шизофренией перестают понимать юмор, зато обретают пароксизмы¹⁰ беспричинного «глупого смеха». Стоит вспомнить в связи со всем этим биосемиотика и теоретика биологии Юксюлля с его идеей *Umwelt'ов* — миров, отдельных для каждого существа и тем более для другого биологического вида и почти непроницаемых для других: «Everything has it's own Umwelt adapted to its specific needs»¹¹ — ведь именно высокая организация сознания даёт возможность учитывать и миры других людей.

Субъект или объект?

В контексте сложностей изучения обсуждаемого объекта стоит обратиться к теме, затрагивавшейся А. Секацким в прошлом выпуске этого альманаха, о зависимости *положения дел* от регистрирующих приборов, а мы бы сказали шире — от Наблюдателя или даже ещё жёстче — от Субъекта. Ещё в 1922 году, задолго до возникновения когнитивистики¹², С.Л.Франк писал: «Обществоведение отличается той методологической особенностью, что в нем субъект знания в известном отношении совпадает с его объектом. Исследователь муравейника не есть сам участник муравейника, бактериолог принадлежит к другой группе явлений, чем изучаемый им мир микроорганизмов, обществовед же есть сам — сознательно или бессознательно — гражданин, т.е. участник изучаемого им общества»¹³. В ещё большей мере это относится к исследованию индивидуальной психики. Несмотря на растущий объём знаний о высших умениях человека — его языке, семиотических возможностях¹⁴ и способности к формированию

⁹ (см. обзор: Т.В.Черниговская. *Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза*. В кн. *Искусственный интеллект. Междисциплинарный подход*. (ред. Д.И. Дубровский и В.А.Лекторский). М., 2006)

¹⁰ **Пароксизм** — приступ, припадок болезни.

¹¹ J. von. Uexküll. *Theoretische Biologie*. Berlin: Springer, 1928

¹² **Когнитивистика** — группа дисциплин, изучающих мышление, сознание, сложные формы восприятия.

¹³ (Франк С.Л. *Очерк методологии общественных наук*. М., с.36, 1922)

¹⁴ **Семиотика** — наука о знаках, с помощью которых осуществляется описание мира и передача информации).

концептов¹⁵, а также несмотря на данные о сопоставлении этих функций с проявлениями психических способностей других биологических видов, мы тем не менее очень плохо представляем себе, что такое Сознание в целом, а не только — что такое одна из его сторон — юмор (тем более, что его владельцем является и подсознание). А ведь наряду с языком Сознание — это главная наша характеристика. В этой связи стоит вспомнить дискуссию, происходившую почти 30 лет назад между крупнейшим нейрофизиологом Джоном Экклзом и крупнейшим философом науки Карлом Поппером¹⁶ и признать, что лавина данных и некоторый прогресс в теоретических знаниях тем не менее не привели за это время к значимому прорыву. Вероятно, следует возлагать надежды не на ещё большее усложнение виртуозной техники, позволяющей фиксировать процессы, происходящие в мозгу человека во время различной психической деятельности, а на методологический и даже философский прорыв, который должен привести к возникновению новой научной парадигмы¹⁷. Разрыв между гуманитарным и естественнонаучным знанием отражает только нашу незрелость, а не наличие реального водораздела. Поэтому вопросы, стоящие перед психологией — те же, что и перед когнитивной наукой в целом, и перед нейрофизиологией, и перед лингвистикой, и перед антропологией и т.д. Даже перед квантовой физикой, поскольку она включает в себя наблюдателя как невычитаемого участника ситуации, ибо его отсутствие меняет свойства изучаемого объекта.

В этой связи вспомним более чем на век опередившего своё время А.А. Ухтомского: «Нет субъекта без объекта, как нет объекта без субъекта», и почти через 100 лет В.П. Зинченко: «Внешний мир строится изнутри», М. Мамардашвили с единым *континуумом бытия и сознания*: «Мышление и Бытие совпадают» и его совместный с А. Пятигорским призыв описывать мир без дихотомии¹⁸ «субъект — объект». Кстати, Ухтомский — автор *хронотопа*, (Бахтин был у него на лекции): «Идея хронотопа в том, что событие не создаётся, не определяется сейчас пришедшими факторами, — последние приходят лишь за тем,

¹⁵ **Концепты** — минимальные категории, которые используются для описания мира, некоторые учёные считают, что это врождённые единицы «грамматики мышления» человека.

¹⁶ (Popper K. C., Eccles J. C. The Self and Its Brain: an argument for interactionism. Springer International. 28 :1977)

¹⁷ **Парадигма** — принятая в данное время и в данном социуме система знаний.

¹⁸ **Дихотомия** — система описания явлений с использованием противопоставления двух противоположных свойств.

чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом.... Предрешённое прежними событиями, но требующее созревания и условий извне» — идея, благодаря Бахтину, ставшая хрестоматийной для гуманитарных областей знания, но совершенно неосознанная естественнонаучными и способная кардинально повернуть их развитие в наступившем столетии.

Человеческий язык является лучшим средством противостоять сенсорному хаосу, который атакует нас каждую миллисекунду: именно язык «объективизирует» индивидуальный опыт, в какой-то мере обеспечивая описание мира и коммуникацию. Это значит, что именно язык, будучи культурным феноменом, хотя и базирующимся на генетически обусловленных алгоритмах, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами, используя конвенциональные семиотические механизмы. Наше восприятие может быть описано как относительно объективное только благодаря договору о том, в какие ячейки мы будем «упаковывать» наши ощущения. Элегантность, размер и качество этих ячеек варьирует от языка к языку и от индивидуума и к индивидууму. Более того, мы сталкиваемся с нарушенным или даже иллюзорным и галлюцинаторным восприятием, но язык и мозг справляются и с этим. Мы должны соединять *слова с событиями и вещами*, и в каких-то случаях это удаётся лучше (как с цветами и линиями), а в каких-то — хуже (как с запахами и вкусами). Мы можем столкнуться и с синестезией¹⁹ — сенсорной или когнитивной — когда разные модальности восприятия могут обмениваться опытом и инвентарём... Но это именно тот мир, в котором нас поселили...

Два в одном, или над кем смеёмся?

Сам наш мозг провоцирует нас на игру с разными координатами, на переход с одной системы отсчёта на другую, даже на разные роли=имена, что даёт возможность как бы разглядывать объект размышлений с разных сторон²⁰. Основой таких возможностей являются специфические функции правого и левого полушарий головного мозга и, соответственно, разные семиотические системы. Подобно доктору Джекилю и мистеру Хайду, сосуществующим в одном (почти!)

¹⁹ **Синестезия** - возникновение нескольких ощущений при раздражении одного органа чувств: цветной слух, цветное зрение, цветное обоняние.

²⁰ (см., например, Т.В. Черниговская. *В своём ли мы имени?* // Альманах «Канун», вып. 2 «Чужое имя», СПб, 2001)

теле, но выходящим на сцену в разное время, определяемые полушарными структурами типы сознания сменяют друг друга в зависимости от ситуации. Аристотелевская чёткость левого полушария разбивается о диффузность, гештальтность (восприятия как единого целого, без выделения отдельных частей объекта или сцены) правого: они сосуществуют, но не дублируют друг друга, а меняют шкалу предпочтений. Недаром, проницательный Ю.М. Лотман был так увлечен идеей невозможности перевода правополушарного сознания вообще и языка снов — в частности. Думается, тут дело в несовместимости левополушарной линейности и, соответственно, дискретности и логической структурированности и правополушарной расплывчатости, принципиальной метафоричности, языка ассоциаций и аналогий, иносказаний, образов и семиотических мазков. Как только мы пытаемся такой перевод осуществить — рушится оригинал. Сама структура мозга, повторяю, уже является поставщиком как минимум двух возможных «реальностей» — право- и левополушарной, со своими принципами организации, приоритетами и языком. Таким образом, разные миры даны человеку изначально, и возможно именно эти «альтернативно настроенные» субстраты и провоцируют порождение иных виртуальных пространств. Важно при этом, что правый и левый мозг — соседи и вечные собеседники, Ego и Alter Ego, склонные не только, по всей вероятности, к разному типу юмора, но и говорящие на разных языках.

Идея «мозгового диалога» подчеркивалась в разное время и в разных планах многими авторами: Л.С. Выготским, утверждавшим: то, что было некогда диалогом между разными людьми, становится диалогом внутри одного мозга; Вяч. Вс. Ивановым, утверждавшим, что человеческий мозг, рассматриваемый обычно как явление биологическое, оказывается как бы обществом в миниатюре; В.С. Библером, описывавшим процесс «внутреннего диалогизма» как столкновение радикально различных логик мышления, «Я» рассудочного и «Я» интуитивного; наконец, М.М. Бахтиным, отмечавшим, что событие жизни текста (понимаемого в широком смысле) всегда развивается на рубеже двух сознаний.

Ю.М. Лотман, многие годы не перестававший активно развивать идеи диалогизма, прямо проводит параллель между двуполушарной структурой человеческого мозга и культурой, указывая на биполярность как минимальную структуру семиотической организации. Интеллект, по Лотману, возникает тогда, когда есть внутренние неоднородности. Более того, он не без оснований полагает, что в ходе культурного развития внутри индивидуального сознания человека

возникают разные психологические личности со всеми сложностями коммуникативной связи между ними. Обсуждая индивидуальные картины мира и разводя их на научную и имплицитную (наивную), по сути дела можно говорить и о внутреннем диалоге, о сложности сохранения целостности и баланса внутреннего мира, возможности и невозможности его рефлексии. Бесспорно то, что правое и левое полушария головного мозга демонстрируют нам гетерогенность сознания, заложенную уже в самом мозгу. Мыслительный процесс — игра этих систем, постоянные попытки перевода с языка на язык, попытки как бы «осмотреть» объект с разных сторон, в разных проекциях и с разной степенью разрешения. Лотман писал: «Люди — единственные существа, обладающие способностью к рефлексии и таким образом создающие семиосферу особого характера»; спорить с этим трудно, так как только мы создали культуру, которая формирует в свою очередь нас самих. С одной поправкой — не все люди, как уже говорилось, способны к рефлексии в равной мере, и тем более не все способны к правдоподобной интерпретации сознания и действий других людей.

Если развернуть наши рассуждения в обратную сторону и сравнивать внутренний диалог с диалогом в социуме, то его гетерогенность, непереваемость языков и необходимость тонкой настройки для избежания коммуникативных провалов становится ещё более очевидна. Нет нужды доказывать специально, что такая пёстрая и тонко выплетенная ткань как юмор требует особо пристального и тренированного зрения, знания принятых в данном социуме конвенций и происходивших событий. Чтобы была возможна оценка юмора, нужна, помимо всего прочего, дистанция. Интересно, что великолепие и остроумие фильмов Кустурицы совершенно не воспринимается людьми нестоличной культуры: не так далеко отодвинулись, чтобы смотреть в полной мере извне и потому — видеть. Это как в геологоразведке: из космоса виднее; или в археологии: чем дальше отъезжаем по временной оси, тем больше можно разглядеть; да и ландшафты разве видны не издали?... Это — не биологическая ткань, в этой рубашке не рождаются, её надо вывязывать — почти всегда из крапивы... Настоящая *антропологическая катастрофа*²¹ предстанет перед нами, когда словесная игра, ирония и сарказм останутся в пределах понимания совсем узких кругов и будут вытеснены низовым юмором, что, собственно, уже происходит. Как читаем у мудрого

С. Стратановского («Диалог о грехе между старчиком Григорием Сковородой и обезьяной Пишек») —

Ах, мартышечка моя,
Дорогая Пишек,
Есть в проблемах бытия
Чёрных дыр излишек.

Не заткнёт старик Сократ
Грецкими словами.
Ах, премудрость — страшный сад
С чёрными плодами.

Рекомендуемая литература:

- Крейдлин Г.Е. *Невербальная семиотика*. М., НЛО, 2002;
Крейдлин Г.Е. *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*. М. Языки славянской культуры, 2005;
Крейдлин Г.Е., Е.А. Чувилина. Улыбка как жест и слово. К проблеме внутриязыковой типологии невербальных актов. // *Вопросы языкознания*, 2001, Вып. 4;
Утехин И.В. Об анекдотах и чувстве юмора у детей // *Труды факультета этнологии*. СПб., 2001. Вып. 1.)
Иванов Вяч.Вс. *Художественное творчество, функциональная асимметрия и образные способности человека*. Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам, -Тарту, 1983, вып. 16;
Лотман Ю.М. *Асимметрия и диалог*. Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам, -Тарту, 1983, вып. 16; Лотман Ю.М. *О семиосфере*. /Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам, -Тарту, 1984, вып. 17;
Deacon T. W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York. Norton. 1997;
Donald M. *Origins of the modern mind. Three stages in the evolution of culture and cognition*. Cambridge (MA), London. Harvard University Press. 1991;
Jackendoff R. *Précis of Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Behavioral and Brain Sciences. 26 :. 2003;
Fodor J. *The Mind Doesn't Work That Way: The Scope and Limits of Computational Psychology*. Cambridge. The MIT Press. 2001;
Черниговская Т.В., В.Л.Деглин. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции. //Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам, -Тарту, 1984, вып. 17;

²¹ (Мамардашвили. М.К. *Мысль в культуре*. Философские науки, М.1989, № 11; *Эстетика мышления*. М.: «Аграф», 2000)

Черниговская Т.В., В.Л. Деглин. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга. //Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам,-Тарту,1986, вып.19;
Chernigovskaya, T.V.: Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities: neuropsychological and cultural aspects. //In:;Studies in Language Origins, Amsterdam-Philadelphia, III, 1994; Cerebral asymmetry - a neuropsychological parallel to semiogenesis. //In: Language in the Wurm Glaciation, Acta Colloquii. - Bochum publications in Evolutionary Cultural Semiotics, 27, 1996; Neurosemiotic Approach to Cognitive Functions. In: SEMIOTICA, 127,1/4, 1999;
Черниговская Т.В. Экспериментальная лингвистика наступившего века и когнитивная наука как синтез гуманитарного и естественнонаучного знания. В кн. Филология. Русский язык. Образование. Сб. статей, посвященный юбилею проф. Л.А.Вербицкой. Изд-во Санкт-Петербургского университета. Филологический факультет СПбГУ, 2006